

Бай Чэн, всё ещё пребывая в блаженном оцепенении от этих нежных слов «малыш», принял душ и вернулся на огромную кровать, по которой так скучал последние три года.

Он обнял подушку и принялся радостно кататься по постели.

В самый разгар веселья телефон, молчавший весь день, внезапно зазвонил. Бай Чэн посмотрел на окно неподалеку и всерьез задумался о том, чтобы отправить мобильник в полет.

Пока он дошел до подоконника, звонок прекратился. На экране красовалось сообщение от Дьявола Цзи.

— Бай Сяо Чэн, живо перезвони и скажи, что ты в порядке.

Бай Чэн вернулся к кровати и, усевшись, принялся печатать ответ.

— Дядя Цзи, со мной всё хорошо.

Ответ пришел почти мгновенно.

— Плевать! Живо бери трубку, паршивец! ㄟ`□`□`

Бай Чэн поморщился и с неохотой нажал на вызов.

— Алло, — буркнул он недовольно.

Собеседник на том конце провода разозлился еще сильнее.

— Ого, Бай Сяо Чэн, смелости набрался, да?

— Дядя Цзи.

— Ты где?

— У Му Си дома.

— А-а, у этого кобеля в гостях.

— Дядя Цзи, Му Си хороший человек, а не кобель.

— Хм! — фыркнул собеседник с высокомерным пренебрежением и бросил трубку.

Бай Чэн потер щеку, прицелился в окно, и черный смартфон, блеснув в лунном свете, описал в воздухе дугу и с глухим звуком скрылся в темной земле.

Довольный собой, Бай Чэн снова рухнул в кровать.

Но уснуть не получалось.

Он походил по спальне из угла в угол, но сон никак не шел.

Он скучал по Му Си...

Даже зная, что их разделяет всего лишь стена, он всё равно безумно по нему скучал.

В конце концов, Бай Чэн сдался. Завернувшись в одеяло, он вышел из комнаты и сел прямо перед дверью Му Си. В доме поддерживалась постоянная температура, так что холодно ему не было.

Бай Чэн прислонился спиной к двери, чувствуя, как на душе становится сладко.

За этой дверью был самый дорогой ему человек, его кумир. Он бесчисленное количество раз видел Му Си на огромных экранах, но никогда еще не был к нему так близко.

Подобно преданному верующему, Бай Чэн замер на посту, чувствуя себя в полной безопасности.

Когда он уже начал клевать носом, дверь внезапно отворилась.

Бай Чэн, не успев среагировать, кубарем полетел вперед, но Му Си мгновенно подхватил его и заключил в объятия. В его глазах читалось удивление и глубокое сочувствие.

— Почему ты сидишь у моей двери?

Бай Чэн обвил его шею руками. Его голос, мягкий и словно пропитанный сладостью, растворялся в ночной тишине, выражая бесконечную привязанность.

— Скучал по тебе.

Сердце Му Си дрогнуло. Он подхватил Бай Чэна на руки и унес обратно в его спальню. Уложив

его в кровать, он тщательно подоткнул края одеяла.

Бай Чэн посмотрел на него и пробормотал:

— Брат, я не могу уснуть.

Му Си погладил его по лицу.

— Хочешь, я посчитаю тебе овечек?

Бай Чэн покачал головой.

— Не люблю овечек.

— А что ты любишь?

Бай Чэн всерьез задумался, а затем его звонкий голосок разнесся в ночной тишине — это были самые сладкие слова, которые когда-либо доводилось слышать Му Си.

— Люблю тебя.

Взгляд Му Си потемнел, уголки его губ дрогнули в улыбке.

— Тогда давай считать Му Си?

Му Си начал считать.

— Одна Му Си.

— Две Му Си.

— Три Му Си.

— Четыре Му Си.

— ...

Голос Му Си звучал невероятно красиво — низкий, бархатный, с тягучими интонациями, от которых по телу разливалось тепло и какая-то особая, дурманящая нежность.

Бай Чэну стало жарко, а в нижней части спины вдруг возникло неприятное зудящее ощущение.

Он украдкой почесался, но зуд только усилился, переходя в странную, покалывающую истому. Бай Чэн часто заморгал, внезапно что-то осознав. Он поспешно закутался в одеяло, оставив снаружи только макушку, и сердито засопел на Му Си, не скрывая растерянности в глазах.

— Уходи, я буду спать, — тихо сказал он.

Му Си приподнял бровь, но с места не сдвинулся. С чего это малыш вдруг решил его выгнать? Что-то тут не так.

Бай Чэн надул щеки.

— Уходи же!

Му Си оставался неподвижен, как скала.

Зуд становился невыносимым, и Бай Чэн, не выдержав, выбрался из-под одеяла и принялся толкать Му Си к выходу. Когда он попытался захлопнуть дверь, Му Си привычно подставил ладонь, остановив её.

Бай Чэн побоялся прищемить ему пальцы, поэтому замер, чувствуя, как от отчаяния глаза наливаются слезами. Он жалобно взмолился:

— Брат, иди спать, пожалуйста, хорошо?

Му Си помолчал, затем убрал руку.

— Хорошо.

Словно получив прощение, Бай Чэн стремительно захлопнул дверь.

Он бросился обратно в постель и плотно завернулся в одеяло. Ощущение покалывания в районе копчика становилось всё отчетливее. Лишь спустя долгое время оно наконец утихло, сменившись тяжелым, душным жаром.

<http://bllate.org/book/20515/2045720>